

Даро

НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

Д 34

НОВГОРОД И НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ
ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

(Тезисы научно-практической конференции)

Ответственный редактор — член-корреспондент
АН СССР В. Л. Янин
Составитель — кандидат исторических наук
В. Я. Конецкий

Новгород 1988

К более позднему времени следует отнести, вероятно, заселение периферийных по отношению к Середке концов. Так, раскопки у ц. Миньи дали нижнюю дату заселения не ранее XIV в. К сожалению, в других местах города раскопки не производились, а небольшой шурф у ц. Вознесения на мысу слияния Перерытицы и Полисти также дал дату не ранее конца — середины XIV в.

К еще более позднему времени следует отнести появление первопоселенцев на левом низком берегу р. Полисти, где культурный слой едва достигает 1—1,5 м.

Б. Д. Ершевский

КНЯЖЕСКИЕ ЗНАКИ СУЗДАЛЬСКИХ РЮРИКОВИЧЕЙ НА НОВГОРОДСКИХ ПЛОМБАХ-ПЕЧАТЯХ XII— ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII В.

В материалах новгородской сфрагистики значительную группу составляют пломбы-печати, несущие на обеих сторонах различные княжеские знаки, а также изображения простого или прощетшего четырех и шестиконечного креста в сочетании с княжеской геральдической эмблемой. Их собрание насчитывает 50 экземпляров.

Мы рассматриваем пломбы-печати, которые несут на себе знаки колоколовидной формы в виде двузубцев плавных очертаний. Они известны в 25 экземплярах.

В дальнейших рассуждениях определяющим является установление хронологических рубежей на время бытования этих памятников. Представляется вероятным отнести их бытование на нач. XII—до конца первой трети XIII в. Этот вывод поконится на факте идентичности княжеских знаков рассматриваемых здесь пломб с геральдическими эмблемами на других сферагистических памятниках, получивших надежные датировки.

В этой связи представляют несомненный интерес пломбы, несущие на себе знаки колоколовидной формы, принадлежность которых князьям суздальской династии исследователями общепризнана.

Так, знак, имеющий в основании острог в форме ласточкиного хвоста (далее знак № 1), находится в сочетании с двумя разновидностями подобных ему по форме тамг. В первом случае на оборотном стороне пломб помещен знак колоколовидной формы, имеющий прямой левый зубец с острогом во внутрь; в основании отрог изогнут влево (далее знак № 2). Во втором случае левый зубец знака изогнут влево и имеет отрог во внутрь. В основании зна-

ка отрог изогнут влево (далее знак № 3). В дополнение заметим, что знаки № 1 и 3 известны еще в сочетании с крестами.

Итак, принимая во внимание новгородское происхождение известных пломб-печатей, а также предельно незначительные отличия между знаками, состоящие в изменении очертания линии одного зубца и в добавлении или отчуждении опятыша в нижнем отроге, представляется вероятным искать владельцев этих тамг не только в числе суздальских князей, владевших новгородским слогом, но и в более узком кругу лиц, связанных между собой тесным кровным родством. Иными словами, владельцем одного из знаков должен оказаться отец, а двух других — его сыновья.

В интересующий нас период могут претендовать на обладание известными тамгами только сыновья Всеволода Большое Гнездо — Константин, Ярослав, Святослав, которые были на новгородском княжении с 1200 г. с небольшими перерывами до 1236 г., и сыновья Ростислава Юрьевича — Мстислав и Ярополк. Первые должны быть исключены из числа претендентов, так как ключевым является обязательное присутствие на пломбе тамги князя отца, а Всеволод Юрьевич никогда в Новгороде не княжил. Наоборот, Ростислав Юрьевич занимал новгородский стол в 1138—1139 гг., 1141—1142 гг., что составляет в общей сложности 1,5 года. Его сыновья: 1) Мстислав был на княжении в 1160—1161, 1175—1176 гг., 1177—1178 гг., т. е. 2 года и несколько месяцев; 2) Ярополк находился на княжении в Новгороде и Новгородской земле с зимы 1177 г. до зимы 1182 г. В такой ситуации считаем правомерным знак № 3 отнести Мстиславу Ростиславовичу, поскольку он занимал новгородский стол на протяжении 2 лет, а относимый ему знак встречен 7 раз: в одном случае в сочетании с подобными ему по форме, знаками колоколовидной формы, 5 раз в сочетании с крестом и 1 раз на печати № 299.

Знак № 1, имеющий в основании острог в форме ласточкиного хвоста, нужно отнести отцу Мстислава, Ростиславу Юрьевичу, княжившему в Новгороде 1,5 года. Эта геральдическая эмблема встречена на памятниках новгородской сферагистики в 7 случаях: четыре раза она находится в сочетании со знаком колоколовидной формы, трижды мы находим ее в сочетании с крестом. Оборотная сторона пломбы-печати со знаком № 1 Ростислава Юрьевича занята тамгой № 2, которую мы относим его сыну Ярополку. Эта геральдическая эмблема встречена в 8 случаях. Дважды на пломбах-печатях, несущих знак № 1 Ростислава, четыре раза на печатях с изображением св. Николая и дважды на буллах в сочетании с изображением св. Миньи. В этом случае атрибуция знака № 2 может вызвать некоторое недоумение, поскольку Ярополк занимал новгородский стол лишь несколько месяцев, а поэтому относить ему знак, известный в 8 экземплярах, несправедливо.

Однако, Ярополк Ростиславович с зимы 1177 г. до зимы 1182 г. находился на княжении в пределах Новгородской земли. Так, под 1177 г. летопись сообщает о его княжении зимой в Новом Торге, а в апреле 1178 г., после смерти своего брата Мстислава, он занимает новгородский стол, но уже зимой 1180 г. Ярополк снова оказывается в Новом Торге, где находился до печальной для него зимы 1181—1182 гг. Отсюда следует, что Ярополк Ростиславович княжил в Новгороде и Новом Торге около 2 лет. Значит, относя ему знак № 2, известный в 8 экземплярах, мы не нарушаем пропорционального соответствия между числом сфрагистических памятников и продолжительностью княжения.

Таким образом, предложив атрибуции трем знакам колоколовидной формы, как геральдических эмблем князей: Мстислава Ростиславовича (знак № 3), Ростислава Юрьевича (знак № 1) и Ярополка Ростиславовича (знак № 2), мы подошли к выводу о назначении и принадлежности этих сфрагистических типов. Представляется, что такие пломбы-печати принадлежали лицам княжеской администрации и использовались ими в судопроизводстве по разбирательству дел, входящих в компетенцию князя, но, несомненно, имеющим внутристное значение. Вероятно, эти пломбы-печати могли принадлежать лицам княжеской администрации, бывших на должностях во второстепенных центрах Новгородской земли. Такой вывод, на наш взгляд, убедительно подтверждает и пломба-печать, найденная на раскопе в г. Старая Русса, она несет изображение шестиконечного процветшего креста в сочетании со знаком колоколовидной формы (знак № 3), т. е. с таким же знаком, который мы отнесли Мстиславу Ростиславовичу.

В заключение высажем предположение по поводу присутствия на одной из сторон этих памятников простых или процветших четырех и шестиконечных крестов. Думается, что изображение креста должно быть связано с учреждением светской власти, его причастности к судопроизводству в системе Новгородской республиканской и княжеской администрации.

М. В. Шорин

О ЦВЕТОВОЙ СИМВОЛИКЕ В СВЯЗИ С ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ КУЛЬТОВЫХ КАМНЕЙ

1. Культ камней дошел до нашего времени в виде этнографических реликтов и лишь в единичных случаях сведения об этих объектах вошли в письменную историческую традицию. Пожалуй, самый известный из таких памятников — Синий камень, расположенный на берегу Плещеева озера под Переславлем-Залесским. Это

обычный серый валун ледникового происхождения, какие-либо знаки на нем отсутствуют. Форма камня овальная, сильно уплощенная, максимальный размер 3,1 м. Самое раннее упоминание о камне относится к XVI в. О дальнейшей его судьбе повествует «Житие преподобного Иринарха» (XVII в.), согласно которому поклонение камню рассматривалось как языческое по своей сути.

Обращает на себя внимание древность и стабильность названия камня. В свете архаичных мировоззренческих представлений, реконструкция которых успешно осуществляется в последнее время (В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский и др.), представляется, что это название не случайно.

2. Исследования по истории цветовых обозначений (Н. Б. Бахилина, М. А. Суровцева и др.) показали сложную систему значений цветового эпитета «синий» в древнерусский период, когда ему было свойственно недифференцированное обозначение темной части спектра (обозначал собственно синий цвет в современном его понимании, серый, темный, черный). Исходя из этого, можно предположить, что название камня «Синий» может являться его цветообозначением в смысле «серый, темный», однако, по своим колористическим показателям камень не выделяется среди обычных валунов. Это заставляет обратить особое внимание на другое значение эпитета — символическое.

3. Основные черты славянской мифологии могут быть описаны системой семантических противопоставлений (таких, как доля—недоля, жизнь — смерть, правый — левый, верх — низ, суша — море, белый — черный; В. В. Иванов, В. Н. Топоров). Отдельные члены этих бинарных оппозиций находятся в тесном соотнесении друг с другом. Связь противопоставления белый — черный (светлый — темный) с другими значимыми оппозициями определяет символическое значение черного цвета как неблагоприятного, в связи с чем он воспринимался как символ несчастья, горя, смерти, траура, загробного мира. В виду соответствия цветового эпитета «синий» темной части спектра он имел подобное же символическое значение.

Одна из сфер символического употребления эпитета «синий» связана с его ролью в мифологических представлениях, где он (даже не являясь средством колористического описания) выполняет функцию маркированного признака, указывающего на соотнесенность объекта или явления с загробным миром, смертью.

Этнографии известны многочисленные примеры использования синего цвета в качестве цвета траура. Символический смысл в данном случае сливаются с цветообозначающим признаком.

Указанное значение эпитета «синий» (равно как и производных от него) находит подтверждение в широком круге источников.